

TIM CURRAN

HERE THERE BE
MONSTERS

ШЕСТЬ ФУТОВ ЗЕМЛИ ИСТЛЕВШЕЙ

*"Искатели острых ощущений
любят наведываться
в глухие, потаённые места".*

— Говард Лавкрафт, «Картина в доме».

— 1-

Когда мы отыскивали могилу, шёл дождь.

Холодный ветер с дождём, превративший вековое кладбище в болото из грязи и потоков воды, затопивших могилы; каменные разваливающиеся надгробия серели среди угрюмых разливающихся рек.

Это была сырая, холодная ночь; от заросших мхом и лишайником надгробий на землю падали спутанные, густые тени.

Мы с Крофтом стояли перед могилой; дождевая вода лилась по нашим непромокаемым плащам и шляпам, слезами стекая на хмурые лица.

— Вот, — произнёс Крофт. — Вот это место.

Моим глазам предстала разрушенная, замшелая плита, просевшая в землю на добрый десяток сантиметров.

Бесчисленные годы и смены времён года разъели её, делая надпись нечитаемой.

Но она была массивной и тяжёлой — из тех плит, что предназначались для придавливания и удержания своим весом того, что лежало под ними, сотни и тысячи веков.

С помощью ломов мы отбросили в сторону отколовшиеся части плиты, а затем принялись копать землю в тусклом свете фонаря.

Наши лопаты разрезали рыхлую почву, как хирургические скальпели рассекают кожу и подкожную клетчатку с мышцами; потоки грязной воды окружали нас, как реки заражённой крови.

Мы пришли на это жуткое кладбище недалеко от Старого города в Вюрцбурге, чтобы откопать тело колдуна XVII века. И выбрали мы для этого прекрасную ночь.

Крофт сказал, что нам нужна как раз такая погода: ливень и мрак, чтобы никто не вылез на улицу и не увидел, что мы делаем.

И он оказался прав: на улицах никого не было... Только мы. Современные похитители трупов.

Да, Крофт говорил, что нам нужен дождь. Но нам, скорей всего, нужно было нечто большее: сама атмосфера жуткого векового кладбища. И мы этого добились.

Стук дождя, завывание ветра в деревьях.

Отдалённое поскрипывание ворот.

Это была сложная работа, но мы справлялись; полными лопатами отбрасывали сырую, взрытую червями почву, от которой в воздух поднимался тошнотворный, могильный запах.

Мы раскапывали могилу квадратами, аккуратно складывая вырытую землю кучами на простыню, чтобы потом, когда мы будем уходить, могиле можно было бы придать нетронутый вид.

Как видите, Крофт всё спланировал. Это была его идея.

Подобные вещи всегда были его идеей.

Ночные вылазки в заброшенные дома и разрушенные склепы, поездки в города-призраки.

Он всегда приходил ко мне с такими вещами.

И я всегда соглашался, потому что Крофт был моим другом... Да и, во имя всего святого, ради острых ощущений!

Он шёл на это ради истории и прошлого, а я — ради азарта.

Ведь когда начинаешь тесно общаться с Крофтом, азарт вам обеспечен.

Вы можете полностью рассчитывать на странные походы и задания.

Он позвал меня с собой, во-первых, из-за того, что я его друг, а во-вторых, у меня была тренированная спина и сильные руки, способные управляться с лопатой.

А может потому, что мои принципы были странно избирательны, и я не отказывался от различных сомнительных занятий... Вроде разграбления могил.

В общем, так мы здесь и оказались; раскапывали в полночь мрачное, уединённое немецкое захоронение, которому уже на момент Гражданской войны в США было, по меньшей мере, пять веков.

Германия и колдовство.

Гремучая смесь.

Германия XVI и XVII веков была не лучшим местом для тёмных искусств, и уж тем более, для тех, кого государство причислило к практикующим чёрную магию.

Судя по записям в архивах, за колдовство и чародейство было сожжено порядка 100 тысяч человек.

Иногда — более ста за день.

Возможно, в других странах Европы истерия по поводу чёрной магии вполне могла называться "охотой на ведьм", но в Германии она приобрела масштабы тотального истребления... Геноцида, равного которому Центральная Европа не ощутит до времён Холокоста.

Считайте это небольшим экскурсом в историю.

Мы с Крофтом искали одного конкретного мага и чернокнижника — Алардуса Вердена, известного некроманта XVII века, казнённого в 1627 году во время Тридцатилетней войны.

Обвинённый в колдовстве и ворожбе, Верден был обезглавлен и сожжен по приказу епископа Адольфа фон Эренберга в вюрцбургской "Башне ведьм", где религиозные фанатики пытали и казнили стольких бедняг.

После тщательного изучения множества ветхих фолиантов, вроде "Компендиума ведьм Вюрцбурга" 1643 года, книги "Ведьмы: охота и преследование в Вюрцбурге и его окрестностях" 1665 года, а также судебных записей того времени, Крофту удалось выяснить то, что упустили другие: легендарный маг Верден был тайно захоронен после казни.

Несколько неизвестных единомышленников поместили его обгоревшие останки в гроб и захоронили в безымянной могиле.

Наверняка вы скажете: "Какие-то предания о колдунах вскрылись спустя столько лет. Подумаешь!"

Но для Крофта это было сбывшееся пророчество.

Откровение. Божественная истина.

И после этого он начал свой Крестовый поход.

И когда он узнал, что эта могила, скорее всего, принадлежит Вердену...

Точно! Он позвал меня с собой!

Вот так мы и оказались этой промозглой, мрачной ночью в таком унылом и отвратительном месте.

Почва была чёрной, глинистой, с кучей узловатых корней и кишачих насекомых.

Копать было ужасно сложно... Словно ворочать лопатой влажный цемент.

Пока мы не спустились на три-четыре фута в глубину.

К тому моменту мы были уже насквозь мокрые, грязные с ног до головы и не в лучшем расположении духа.

В воздухе стоял запах мокрой земли, сгнившей растительности и вскрытой могилы.

А вокруг нас мрачными могильными ртами усмехались заросшие плющом склепы и увитые ежевикой ангелы на верхушках памятников.

Целые ряды потрескавшихся от времени средневековых могильных плит, покрытых лишайником и окружённых со всех сторон ядовитыми мухоморами.

А вдалеке, на значительном расстоянии, виднелись заросли тиса; его тонкие, длинные ветви обрамляли развалины церкви XV века.

Да, это было кладбище вюрцбургского Старого города.

Днём — очень интересное место.

А ночью... Место, от которого лучше держаться подальше.

Мы почти два часа копали эту чёртову могилу; туман стелился у наших ног, поднимаясь из мрачных лощин.

И, конечно же, дождь не прекращался.

Он продолжал идти, превращая древний могильник в бурлящий котёл болотной жижи, от которой поднималась жуткая вонь.

Лопата ударилась обо что-то.

Что-то твёрдое.

Крофт заволновался и начал кричать, чтобы мы быстрее счистили грязь.

Мы принялись за дело: сначала лопатами, затем — голыми руками.

Наконец, мы опустили в яму фонарь и увидели длинный ящик, разваливающийся и размякший за прошедшие века.

Не переставая, лил дождь, смывая не расчищенные нами остатки грязи и песка.

Первое, что бросилось мне в глаза — это железные цепи.

Да, гроб был скован цепями. Наглухо.

И не для того, чтобы никто не забрался внутрь, а для того, чтобы находящийся внутри не смог выбраться наружу...

— 2-

Я не сдержался и озвучил свои мысли.

Крофт рассмеялся, но смех вышел таким натужным, словно подобные мысли только что посетили и его.

— Что ж, займёмся тем, за чем пришли, — произнёс Крофт прежде, чем я смог прервать его своими глупыми вопросами и дурацкими предложениями бросить всё к чертям.

Как я и говорил, древесина саркофага Вердена размякла за столько лет; её покрывала плесень и обвивали белые корни растений.

Чудо, что за прошедшие четыре столетия гроб остался целым и нетронутым.

Мы оказались первыми, кто его вскрывал.

Обвивающие гроб цепи были укреплены древними замками.

Они были ржавыми и зелёными от плесени.

Мы с ними быстро управились.

Острые лезвия наших лопат легко вырвали их вместе с кусками сгнившей древесины.

Я ударил по первой цепи; и когда лопата зацепила крышку гроба, то услышал изнутри какой-то шум. Может, эхо от удара?..

Господи, да я там чуть на месте не скончался! Этот звук... Словно внутри что-то просыпается и скребёт крышку...

Крофт всегда говорил, что я никогда не нервничаю, и внутри меня стальной стержень...
Брехня!

Просто раньше мы не сталкивались ни с чем подобным.

Никогда ещё я не испытывал такой полнейший необъяснимый ужас.

Я никак не мог побороть нервную дрожь.

Что-то просочилось из этого прогнившего, прокисшего гроба и проникло в меня.

Я не могу адекватно описать, что чувствовал тогда: у меня зуб на зуб не попадал, и хотелось заорать.

Меня не покидало странное ощущение, что мы собираемся отогнуть край Вселенной и заглянуть вниз, в чёрные, как смоль, глубины полного безумия.

И из этих неисследованных бездн что-то будет смотреть на нас. Кровожадный кошмар, который может с одного взгляда заставить наш разум оцепенеть...

В этот момент Крофт разорвал цепи. Я никогда прежде не видел его таким: то ли взволнованным, то ли напуганным, то ли просто свихнувшимся от всего происходящего.

Я был уверен, что если в этот момент решу оставить его и свалить, то он раскроит мне череп этой же лопатой.

— Помоги поднять крышку, -

попросил Крофт.

Я не хотел.

Во мне росло первобытное, необъяснимое отвращение, когда я думал, что мне нужно прикоснуться к этой штуковине.

Но пришлось.

Господи, помоги мне!

Крофт поддел лезвием лопаты крышку гроба и приподнял струхлевшую за прошедшие века древесину.

Я придержал её, подсунув пальцы под край... И отшатнулся.

Мне было противно это ощущение под пальцами. Настолько, что меня чуть не вырвало.

Холодное, скользкое... Как человеческий мозг на блюде.

На счёт три мы откинули крышку в сторону; дерево было настолько старым и гнилым, что наши пальцы продырявили его насквозь.

Я принялся неистово стряхивать со своих рук прилипшие частички древесины, пока Крофт прислонял крышку гроба в краю выкопанной ямы.

Из гроба до нас донёсся смрад горелой плоти, и я подумал, что сейчас упаду в обморок.

Но он быстро выветрился, словно ничего и не было.

Всё, что я ощущал, это запах неисчислимых веков.

Опасный смрад разложения, раскрошившихся костей, могильной сырости и чернозёма.

А в гробу...

Я колебался.

То, что там находилось, напоминало человека... Почти.

По существу, это был почерневший скелет с засунутым под левую подмышку черепом.

Всё правильно, учитывая, что Вердена обезглавили перед сожжением на костре; невообразимая роскошь, если вспомнить о том, что большинство ведьм того времени было сожжено заживо.

Череп злобно ухмылялся нам распахнутыми челюстями, а в глазницах коварно извивались тени.

В моей голове скреблись не прощенные мысли. Но не из-за скелета в развороченной могиле. Было что-то ещё...

Скелет, пусть и искорёженный пламенем костра, был каким-то неправильным. Вытянутым. Деформированным.

Он был абсолютно абсурдным, и я был уверен, что виной всему стал не пожар.

Кости шероховатые, неровные и необычно утолщённые в некоторых местах.

Локтевая и лучевая кости левой руки были очень короткими и толстыми, а правой — невероятно длинными, достигающими коленной чашечки; а пястные кости, в свою очередь, обвивались вокруг бедренной кости, словно были сделаны из пластилина.

Грудная клетка скособочена, череп — неестественно широк, с двумя долями, разделёнными глубокой расщелиной; одна глазница располагалась значительно дальше от средней линии, чем вторая; полость носа оказалась прямоугольной, а челюсти выдвинуты вперёд и вверх.

Скелет Вердена выглядел расплавившимся.

Что-то размягчило кости, сделало их податливыми, а затем растянуло в различных направлениях и дало остыть и вновь затвердеть.

Это было отвратительно. Аномально.

Ни один костёр не смог бы сделать такого с человеческими костями.

Скелет напоминал те, что я видел в медицинском музее или в шоу уродцев: что-то атрофировалось, а что-то мутировалось до такой степени, что сложно было представить, как этот человек мог передвигаться.

— Это из-за огня? — задал я Крофту глупый вопрос.

Тот покачал головой.

— Не думаю...

Он поднёс фонарь ближе, и в мерцающем свете череп нам злобно ухмыльнулся.

Хоть это и была просто кость, выглядела она злобной и порочной.

Крофт поскоблил скелет перочинным ножиком. Чёрные хлопья гари унесла дождевая вода.

Дело было не в огне. Под почерневшей, обугленной плёнкой на костях виднелись большие опухолевые наросты и выпячивания, словно кости оплетали какие-то ядовитые плесневые грибы.

Я не мог отделаться от мысли, что скелет Алардуса Вердена выглядел так, словно он начал делиться, как амёба, когда его предали огню.

Безумная идея, но эти выпячивания выглядели это именно так: будто один скелет готов

был вот-вот разделиться на два.

— Займёмся тем, за чем пришли, -

произнёс Крофт.

Он опустил лезвие лопаты на левое запястье и отрубил кисть.

Она отвалилась в сторону, и Крофт аккуратно сложил кости в поясную сумку.

Затем мы, пугаясь каждого призрачного шороха, опустили крышку на место и забросали могилу землёй.

Мы установили на место расколотую могильную плиту и пошли домой под проливным дождём, лавируя между древних памятников и уверяя себя, то с делом Алардуса Вердена покончено раз и навсегда.

Как же мы ошибались!

Ведь мы и понятия тогда не имели, что извлекли из-под шести футов истлевшей земли.

— 3-

А теперь, если вы не против, вкратце — или не совсем вкратце — расскажу о человеке по имени Альберт Крофт.

"Почему Германия?" — спросите вы.

Ну, потому что Крофт неприлично богат и может позволить себе жить там, где только вздумается.

А почему Вюрцбург?

Потому что этот город был оплотом немецких ведъм и центром их гонений на протяжении многих веков, а Крофт обожал всё мрачное и зловещее.

Он жил в разваливающемся доме XIX века, где большую часть пространства занимали книги.

Стоило только переступить порог, и вы сразу почувствовали бы этот затхлый запах изъеденных молью и покрывшихся плесенью фолиантов.

Сам дом был, по сути, огромной библиотекой.

Не было смысла искать здесь телевизор или DVD-проигрыватель: у Крофта даже не было электричества, а водоснабжение было нерегулярным.

В целом, это был гигантский разваливающийся дом с крысами в подвале и летучими мышами на чердаке, со скрипящим флюгером на остроконечной крыше и потрескавшимися, засиженными мухами витражами.

Лабиринт из узких тёмных коридоров, которые, казалось, никуда не ведут, и сводчатых комнат, которые всегда пахнут затхлостью.

Всей атмосферой особняк напоминал викторианский морг: начиная от узких проходов и заканчивая газовыми горелками на стенах.

Замечательное место, если вы готовы, как Крофт, окунуться в уныние и тьму забытых веков.

Немного экстремально для современных вкусов и предпочтений.

Дом, как и живущий в нём человек, был пережитком прошлого.

Но чтобы Крофт жил в другом месте?.. Такого я и представить не мог.

Крофт обладал богатым воображением и острым умом, поэтому неудивительно, что он был в некотором роде писателем.

Если вы любите американские и британские новеллы и рассказы в жанре ужасов, то, возможно, слышали имя Альберта Крофта.

Он написал несколько коротких историй и новелл о тёмных прожорливых богах, о безымянных выживших и об абсолютно других планетах. И должен сказать, эти произведения были неплохо приняты критиками.

Я прочёл многие из них: и "Скребущийся во тьме", и "Острова Сальтес", и "Ведьмин род из Ни-Горла", и "Мать крыс", и мой любимый рассказ — "Мерзость в подвале".

Многие из них впервые были опубликованы в мрачных, специфических журналах, вроде "Морга", "Призрачных теней" и "Книги Червей", а позже были собраны в сборник "Возрождение Жутких Костей и другие ужасы". Эта книга в твёрдом переплёте вышла в свет, благодаря издательству "Дом ведьм" незадолго до того, как их главный редактор, Джейсон Борг, покончил жизнь самоубийством.

Что, естественно, только добавило известности издательству и их многочисленным произведениям. После этого происшествия коллекционеры и ценители ужасов со всего мира старались заполучить их издания.

Однако, несмотря на его редкие походы в мир тёмного фэнтези, Крофт был абсолютно серьезен в вопросах чародейства и волшебства; он был преданным студентом, и, как я подозревал, иногда занимался некой тёмной практикой (хотя он никогда бы не признался мне в этом, несмотря на моё принятие).

Да, иногда лучше не знать всего.

Да и не нужно мне знать всё. Я и так увяз в этом достаточно глубоко.

Сначала, когда только начал общаться с ним, я играл роль адвоката дьявола, доказывая, что его исследования были чистой воды фантазией: ничем, кроме мифов и суеверий, результатом устарелого мышления невежественных умов.

Но Крофт был искусным рассказчиком; он мог часами спорить со мной, утверждая, что так называемые "тёмные искусства" были, по существу, системой знаний и целой тайной наукой, утерянной в веках; что древние цивилизации были способны на то, о чём современная наука может только мечтать.

И в таких спорах всегда побеждал Крофт.

Несмотря на отсутствие высшего образования, Крофт был очень умён, обладал прекрасным ораторским искусством и удивительной памятью на исторические факты. А я, невзирая на докторскую степень по литературе и начитанность (по крайней мере, я так считал), едва ли мог тягаться с ним.

В общем, чего ходить вокруг да около? Скажу прямо: если бы Крофт жил в XVI или XVII веке, его бы уже давно судили и казнили за колдовство.

Думаете, я хочу сказать, что он был колдуном?

Если начистоту... Я и сам не уверен.

Скажу лишь, что он коллекционировал старинные запрещенные рукописи и книги, проводил большую часть времени в поисках забытых за века знаний и расшифровывал тексты, которые, по моему скромному мнению, лучше было бы оставить зашифрованными, как и хотели того сами авторы.

Он мог часами рассказывать мне о жизни и работе известных магов, ведьм и некромантов — Луи Гоффриди и Симона Волхва, Георгия Сабелликуса и Мартинеса де Паскуалли, Мадлен Бавен и Роджера Болингброка — пока мне не начинало казаться, что я знаком с ними лично.

Его дом был сокровищницей запретных знаний, и мне не нравилось туда приходить. Я предпочитал встречаться с Крофтом в таверне или кафе, потому что в его доме постоянно витали удушливые, пугающие запахи.

Полагаю, дело было в старости — гниющая штукатурка, заплесневелая мебель и множество книг.

Бесчисленные тома, разваливающиеся в труху.

Их было так много, что воздух стал спёртым и даже неким образом желтоватым от пыли и кусочков распадающихся переплётков и истончающихся страниц.

В этом доме у меня всегда начинали слезиться глаза и першить в горле... Вряд ли с жизнью в подобном склепе можно оставаться здоровым.

Книги стояли не только на стеллажах; они занимали все столы и даже неопрятными кучами были свалены на полу.

Среди них можно было найти книги и на латинском, и на арабском, и немецком, и на греческом — невероятно древние манускрипты, исписанные криптограммами, шифрами, рунами и непонятными символами.

Чаще всего в стопках встречались Коттон Мэзер, Якоб Шпренгер и Джозеф Гленвилл, чьи многочисленные памфлеты и брошюры ярко описывали ужасы инквизиции и пытки ведьм.

Крофт обстоятельно приобретал всевозможные древние рукописи.

Здесь можно было найти очень интересные книги демонографов и охотников на ведьм — "Демонопоклонничество" Николя Реми, "О демониалитете и бестиалитете инкубов и суккубов" Синистрари, "Книга ведьм" Гуаццо, "Рассуждение о ведьмах" Анри Боге "Разоблачение ведьмовства" Реджинальда Скотта — бок о бок со старыми гримуарами, к которым Крофт мне даже не позволял прикасаться.

Например, такие запрещённые, отвратительные книги, как "Книга Иода" и "Книга Эйбона", "Восстание Насекомых" и "Культ Червя", "Чёрная книга Алсофокуса" и "Святое Царство".

В общем, думаю, я дал вам полную картину того, кем является Альберт Крофт... Учёный, затворник и антиквар.

Человек, которые терпит кого-то, вроде меня, лишь из-за того, что я бываю ему полезен, и время от времени Крофту нужен собеседник.

Конечно, ничего из этого не помогает вам понять, почему мы раскопали могилу колдуна XVII века. Но к этому я сейчас вернусь.

Это касается того, что средневековые чёрные маги называли "Рука славы".

Возможно, вы уже видели эту мерзкую штуку по телевизору или на картинках. Но если нет, позвольте вас просветить, как в своё время был просвещён и я.

Рука славы — это отрезанная рука повешенного преступника. Предпочтительнее её удалять, пока тело ещё качается на виселице, но для еретиков и ведьм также подходит вариант эксгумации.

В последнем случае, по словам Крофта, рука будет обладать истинной мощью... для тех, кто верит в подобную чепуху.

В общем и целом, если верить Крофту, кисть традиционно обескровливают, высушивают при помощи савана и две недели маринуют в глиняном горшке в травах и специях, таких как корица и калиевая селитра.

После этого её костный каркас удаляется и заменяется мазями и воском.

Воск изготавливается из трупного жира, по возможности, того же покойника, которому принадлежала рука, либо не рождённого ребёнка. Существует предание, которое гласит, что в XVII веке беременных женщин часто убивали, чтобы добыть содержимое их чрева.

Мазь чаще всего изготавливалась из крови малой ушастой совы, жира белой курицы, желчи кошки и могильной земли.

Поэтому во время процесса изготовления рука нередко приобретала нездоровый зеленоватый оттенок.

В кончик каждого пальца вставляется фитиль из волос мертвеца и поджигается... И вот вы уже становитесь счастливым обладателем трупного подсвечника, о котором ваши предки могли только мечтать!

"Отвратительно", — скажете вы.

Полностью согласен. Но Крофт решил, что обязательно должен заполучить себе такой.

И где-то на страницах своих изъеденных червями фолиантов он нашёл, если можно так сказать, "рецепт" изготовления Руки Славы из кисти казнённого ведьмака.

Это и привело нас к Алардусу Вердену.

А его — к нам.

— 4-

Той дождливой ночью мы вернулись в старый дом Крофта, насквозь пропитанные вонью могильной сырости, и открыли мешок с "добычей".

Даже в свете лампы эти кости казались... ненормальными.

Я сидел в кресле и вдыхал запах заплесневевших книг, пока Крофт отмывал пожелтевшие, деформированные кости и аккуратно склеивал их в единое целое.

Кисть получилась абсурдной и нелепой.

И не столько из-за того, что принадлежала мертвецу, а по большей части из-за своего внешнего вида.

Сами кости были узловатыми, с наростами, серого цвета; пястные кости оказались плоскими, заострёнными и со странными крохотными отверстиями, словно проделанными миниатюрной дрелью.

Пальцы составляли сантиметров пятнадцать-двадцать в длину; безымянный был длиннее среднего, а большой напоминал полую костную трубку.

И все пальцы были деформированы — согнуты и вывернуты под странными углами, которых в норме и быть не могло.

Я мог лишь предположить, что Алардус Верден страдал от какого-то заболевания костей.

— И что теперь? — спросил я у Крофта.

Он вскинул на меня глаза, словно только сейчас вспомнил о моём присутствии.

Его глаза были налиты кровью, а взгляд остекленел. У меня сложилось впечатление, что он был на грани истерики и сейчас либо захохочет, либо закричит.

— Как ты собираешься из этого сделать подсвечник?

Крофт ухмыльнулся и ответил, что у него уже припасены необходимые материалы: жир, специи, фитили и даже кусочки кожи, которыми он будет всё скреплять.

После этого я решил больше не задавать вопросов.

А, возможно, и стоило. И стоило отправиться в полицию и всё им рассказать. Но я не

стал.

Я ушёл, пока Крофт листал фолиант в кожаном переплёте.

Но перед уходом у меня хватило мужества спросить:

— И что, во имя всего святого, ты собираешься делать с этой жутью?

Крофт улыбнулся в тусклом, жёлтом свете лампы.

— А ты действительно хочешь это знать?

— 5-

Всё, я умываю руки.

Я сопровождал Альберта Крофта в стольких ночных прогулках, но ни разу не делал этого против своей воли.

Хочу, чтобы вы это понимали.

Если он каким-то образом и принудил меня к этому, то сделал это так тонко, что я поверил, что хотел этого сам, и что это было моей собственной идеей.

Я не пытаюсь оправдаться за то, что совершил в его компании — перетаскивал древние надгробия из кладбища для его личной коллекции; крал редкие погребальные скульптуры и урны из склепов, потому что Крофту был нужен находящийся в них пепел человека для каких-то опытов. Но теперь я готов со всей уверенностью заявить: с этим покончено. Всё зашло слишком далеко.

Никогда, клянусь вам, никогда прежде я не выкапывал гробы... Хотя, подозреваю, что для Крофта это было не впервой.

Наверно, вы можете обвинить меня в довольно избирательных моральных принципах, и я не стану с вами спорить.

Лишь скажу в свою защиту, что в могиле, которую мы раскопали, находился один скелет и ничего более.

Я бы никогда не стал тревожить останки того, кто был погребён недавно.

Да, похоже, я вновь начал оправдываться.

Впервые я встретил Крофта в пивной в Дармштадте около шести лет назад. Я тогда пытался прийти в себя после разрыва отношений с одной немкой, с которой был вместе ещё со времён своей службы в армии.

Всё кончилось плохо.

И вместо того, чтобы вернуться в Индиану, как и должен был, я остался в Германии.

В Штатах меня ничего не ждало, поэтому я устроился на отличную работу в винодельню в Бад-Дюркхайме.

Я почти десять лет отслужил в местной армии, и мне нравилась эта страна.

За шестнадцать лет вне дома, Америка стала мне казаться абсолютно чужой.

Вот я и остался.

Я остался, работал в местной винодельне и всё свободное время проводил в барах, выпиваясь и тоскуя по своей ушедшей любви, и вляпываясь в неприятности.

Там меня Крофт и нашёл.

Он был американцем, как и я, моим ровесником, и мы быстро поладили.

Даже когда я узнал о его неприятном хобби, меня это не остановило.

Крофт стал моим другом.

Я был обычным солдатом в отставке вдалеке от дома с огромной дырой в сердце, и я

понятия не имел, чем заниматься дальше.

Теперь мне кажется, что Крофт моментально всё понял и воспользовался этим.

Не важно.

Я ведь уже большой мальчик и мог в любое время сказать "нет". Но не стал.

Я был очарован Крофтом. Умный, утончённый, богатый.

Тот факт, что он хотел со мной общаться, тешил моё самолюбие.

Я был на дне.

А Крофт взял меня за руку и вытащил из этой канавы саморазрушения. Я хотел отплатить ему той же монетой. Но я не был глупым или наивным. Может, в глубине души Крофт и испытывал ко мне какие-то чувства, но суть в том, что я был ему нужен. Ему был нужен парень, которому нечего терять. Парень с мускулами и крепкими яйцами, но без грамма здравого смысла.

Такой, как я.

Но теперь с этим покончено. Я даже набросал кое-какой план, как уехать из Германии.

Мои родственники в Индиане все умерли, но в городе Хуксетт, штат Нью-Гэмпшир, жила моя сводная сестра, и я подумывал отправиться к ней...

Сорокалетний мужчина без перспектив в жизни.

Но я понимал, что должен это сделать.

Я должен сбежать от Крофта. Должен убраться из Германии.

Потому что с той самой ночи, когда мы разграбили могилу Алардуса Вердена, меня не покидало предчувствие чего-то жуткого, и я не мог от него избавиться.

У меня сдавали нервы.

Я понимал, что это чушь, но мне казалось, что если я не выберусь из страны, меня утащит за собой нечто мерзкое и огромное.

В общем, хватит вам слушать мою печальную историю.

Вам она не интересна.

Ведь вы хотите услышать об Альберте Крофте и руке колдуна XVII века. И об этом я вам дальше и расскажу.

— 6-

Спустя две недели после нашего посещения кладбища в Старом Городе я решил нанести Крофту визит.

Как оказалось, это была чертовски плохая идея.

Потому что то, что лениво глодало мои нервы с тех пор, как мы вскрыли ту проклятую могилу, теперь начало жевать их всерьёз.

Сейчас объясню.

Я бы никогда не пришёл к Крофту без приглашения или без предупреждения.

Обычно он отправлялся в город и звонил мне оттуда, ведь телефона у него не было.

Стоило ему меня позвать, и я тотчас прибегал, взволнованный перспективой нового мрачного приключения.

Но на этот раз я решил заскочить без предупреждения.

Меня не покидало ощущение, что я должен зайти. И скорей всего, это стало моей самой крупной ошибкой.

Вюрцбург находился в двухстах километрах от Бад-Дюркхайма. Тем утром я вырулил на своём крошечном фиате на автобан, точно зная, куда направляюсь. Только вот не зная зачем.

Я осознавал, что не могу покинуть Германию, не предупредив Крофта.

Чувствовал, что должен это сделать.

Я несколько раз кругами проезжал мимо его высокого, закрытого ставнями дома, но так и не мог заставить себя остановиться.

Может, из-за нервов, а может из-за чего-то ещё, но при одной мысли о том, что мне придётся войти внутрь, у меня всё внутри сжималось.

Но пару кружек пива в городе — и вот у меня уже появились силы и мужество, чтобы закончить то, ради чего я приехал.

Солнце уже село; от реки тянуло холодным воздухом, а редкую растительность у дома Крофта затягивал туман.

Над головой светила полная, круглая луна, но свет её был не ярким, а тусклым и безжизненным, словно витающее над древним городом призрачное, восковое лицо.

Вюрцбург... Город древностей и захороненных предметов, тёмных преданий и богохульных тайн, спрятанных в унылых садах.

Я постучал в покосившуюся дубовую дверь, и весь дом — от угрюмых, накренившихся шпилей и готических башен до обваливающейся кирпичной кладки и кровли — казалось, содрогнулся.

Возможно, у меня разыгралось воображение, но я был уверен, что этот высокий, загнивающий особняк на окраине Вюрцбурга заходил ходуном.

Он зашатался, вздрогнул и погрузился в тревожную тишину.

Он нависал надо мной, как выдернутый из чёрной, зловонной земли разложившийся чёрный скелет, излучающий злобу и ненависть.

Я постучал ещё раз.

Я слышал, как мой стук эхом отозвался в длинных узких коридорах, пронёсся по лестницам и умер во тьме запертых чердаков и пустых ниш.

Шорох шагов... Усталое шарканье ног старого человека, у которого едва хватает сил двигаться.

Лязг замков, цепочек и отодвигание ржавых запоров.

Дверь со скрипом приоткрылась сантиметров на пять.

— Кто стучит? Кто там? — спросил хриплый, надтреснутый голос сперва на немецком, а затем на английском. — Кто стучал в дверь?

Я даже не сразу ответил, потому что, если честно, не был уверен, что это Крофт.

Этот надтреснутый, скрипучий голос...

И глухой, раскатистый, словно старик шептал в трубу.

Тусклый свет луны отразился в остекленевшем, выглянувшем в щель глазу.

— Крофт? — прошептал я.

На пару секунд наступила тишина, нарушаемая лишь хриплым дыханием.

— Это ты, Криг? Да, ты... Можешь входить.

Я попытался сглотнуть ком, но в горле пересохло.

Я не мог поверить этому надтреснутому голосу... Он не был похож на привычный голос Крофта, хотя интонации были схожи.

Будто кто-то подражал ему.

Дверь открылась, и в проёме появилась фигура.

Меня посетило безумное желание развернуться и бежать, оставляя между мной и этим тошнотворным домом как можно больше километров.

Но я остался.

Я переступил порог и последовал за удаляющейся фигурой в кабинет — просторную комнату, в которой Крофт проводил большую часть времени.

Там было темно; помещение освещала единственная, догорающая на заваленном книгами столе свеча.

Крофт обогнул стол, и в дрожащем пламени я рассмотрел его сгорбленную, прихрамывающую фигуру.

— Ты в порядке? — спросил я.

Он опустился в кресло, и я даже засомневался, что из них двоих хрустнуло: кресло или сам Крофт.

Дыхание старика было хриплым, клопочущим.

— В порядке, в порядке, дружище. Хотя, стоит признать, что меня знобит... Слишком много ночей мы с тобой провели на промозглых кладбищах, да?

Это была наша с ним частая шутка.

Я и не сомневался, что Крофт ответит именно так и, как всегда, отшутится.

Но вот его интонация, ударения на определённых гласных... У меня холодок пробежал вдоль позвоночника.

— От тебя ничего не было слышно, — всё, что я смог выдавить.

Крофт кивнул, и мне показалось, что даже для этого ему пришлось приложить немало усилий.

— Я же сказал, мне нездоровилось. Не сомневаюсь, что миазмы этого старого дома ядовиты для лёгких... И конечности постоянно коченеют... Не важно, скоро я поправлюсь, и тогда...

— Что "тогда"?

Но Крофт покачал головой, словно это не стоило обсуждения.

Он сидел в кресле, подальше от света, сгорбившись от усталости.

Это был Крофт. И не был.

Наступившая тишина, мягко говоря, нервировала.

Мой разум был подобен пустому барабану, и я не мог придумать, о чём заговорить.

А Крофт, казалось, был занят лишь тем, чтобы дышать, словно сам процесс дыхания был утомительным и выматывающим. Всё его тело поднималось со вдохом и сдувалось с выдохом.

Ему всегда было, что сказать: он либо болтал о какой-то чепухе, либо отстаивал свои теории, либо критиковал недавно прочитанную статью.

Но он никогда не молчал.

В доме стоял запах, который мне не нравился.

Не обычный запах плесени и древних книг, а что-то невыносимо застойное, вроде запертых подвалов и влажных грибниц, разрушенных склепов и прогнившей шёлковой обивки гроба.

Я попытался откашляться, но это оказалось совсем непросто... С каждым дрожанием пламени свечи я ловил случайные проблески лица и рук Крофта, и то, что я видел, очень напоминало слизь.

— Тебе надо выбраться на воздух, хоть ненадолго, — произнёс я. -

Здесь плохо пахнет, Крофт. Несвеже. Тебе это на пользу не пойдёт.

— Я буду жить, как жил, -

прохрипел он.

— Подожди, я сейчас зажгу ещё свечу, чтобы получше тебя рассмотреть, — я быстро двинулся ко второй свече на столе, начиная думать, что на самом деле не очень-то и хочу видеть лицо Крофта.

Старик издал хриплый, горловой звук.

— Нет... Не надо. Мне не нужен свет, Криг.

Крофт начал тяжело и шумно дышать.

— Видишь ли... Из-за болезни мои глаза стали чувствительны к свету. Я не могу переносить яркий свет. И меня это тревожит и настораживает.

И с этими словами он отодвинулся подальше в тёмный угол комнаты, как червь, прячущийся от солнечных лучей.

И стоило ему двинуться, как я осознал, что отвратительный запах в доме исходил от самого Крофта, словно нечто внутри него разлагалось.

Он сидел в темноте.

А я снова заметил, что его плоть была желеобразной и пористой.

Что-то произошло. Или даже происходит прямо сейчас.

Крофт переносил какие-то чудовищные расстройства души и тела.

В моей голове крутились сотни мыслей, которые мне хотелось прокричать, но я не рискнул даже чуть-чуть повысить голос и спокойно спросил:

— Чем ты занимался, Крофт?

Смутная фигура не двигалась, просто дышала.

— Я думал о всякой всячине, друг мой. О вещах, которым научился. О горизонтах, которые лишь промелькнули вдали. Ведь есть такие силы в этом мире, которые нам никогда не постичь. Предзнаменования. Вероятности. Зловещий ужас, с которым не справиться...

— Возможно... да, возможно, произошедшее со мной за всю жизнь ослепило меня, я отказался от социальных обязательств... Приношу свои извинения. Но я боюсь, что судьба поручила мне такое и показала такие великие откровения, что весь остальной мир доставляет мне лишь скуку и повергает в апатию. Я не могу притворяться, что мне интересно что-то помимо того, чем я занимаюсь.

— Ты же видишь, мои исследования полностью поглощают меня, требуют больших умственных усилий и концентрации внимания. Я пошёл непроторенной дорогой. И сейчас стою на пороге необъятного космоса, о котором не могу говорить, но вскоре, друг мой, ты обо всём узнаешь... Есть вещи, которыми я хотел бы поделиться с тобой первым. Не стоит их бояться. А затем... затем я покажу тебе, что твой маленький, замкнутый мирок великих истин и больших тайн — лишь капля в море.

Я сидел и смотрел на Крофта.

Да, он был любителем старины, что иногда сказывалось на его манерах и речи, но это всегда было шутки ради.

А сейчас... Сейчас мне было не до смеха. Человек, сидящий напротив меня, был для меня абсолютно чужим.

Мне были незнакомы как его замыслы, так и сама его личность.

Его слова были зловещими и угрожающими, будто он планировал поставить весь мир на колени.

— Твои исследования... они включают в себя Руку Славы? -

уточнил я.

Крофт рассмеялся, хотя больше это походило на пронзительный гогот, чем на смех. Неискренний, пустой звук, эхом отразившийся от стен дома.

— Рука Славы? Ох, это такая дешёвая и примитивная проделка по сравнению с тем, что я делаю и что собираюсь ещё сделать!

Я тяжело сглотнул.

— О чём ты?

И снова этот сухой смех.

Он загудел в комнате, ринулся в темноту коридоров и там замер.

— Ты можешь спрашивать сколько угодно, Криг, но тебе могут не понравиться ответы. Ведь это искривление самого пространственного континиума, извращение всего, что ты знал до этого. Криг, мой милый Криг, я говорю о тех, кто гложет и терзает, о тех, чьё хищное касание высасывает костный мозг самих звёзд, о тех, кто вопит и ползает в прерывистой тьме.

— Безнравственный дух, гниющее бытие, ползущая зараза из плоти, крови и мяса. В звёздах над нашими головами есть дыры, Криг... Ты слышишь это клацанье зубов? Станешь ли ты слушать и услышишь ли прежде, чем станет уже поздно?

Он был безумен.

"Какое-то психическое расстройство помutilo его разум", — подумал я, поднимаясь на ноги и намереваясь уйти из дома, пока Крофт ещё позволяет мне это сделать.

Ведь я чувствовал в сжимающейся вокруг меня тьме нечто омерзительное, нечто сумасшедшее, и оно хотело высосать досуха мою душу.

— Я... Я должен уйти, -

пробормотал я, пытаюсь во мраке нащупать дверь.

— Да, — ответил Крофт резким, срывающимся голосом. — Думаю, должен.

И я ушёл.

К входной двери я направлялся уже почти бегом.

Тогда я ни капли не сомневался: Крофт был одержим.

— 7-

Когда я вернулся в свою квартирку в Бад-Дюркхайме, меня ждал конверт.

От Крофта.

По почтовому штемпелю я определил, что он отправил письмо пару дней назад.

Я поспешно разорвал его, не зная, чего ожидать.

Я всё ещё был на нервах после посещения того проклятого дома. Я пытался рационально оценить то, что видел, и чему стал свидетелем, но получалось у меня плохо.

На меня давил суеверный ужас.

Я понимал, что связался с тем, что выходит далеко за пределы понимания нормального человека.

Что бы ни случилось в том доме, и что бы ни завладело Крофтом, я не мог это списать на простое бредовое расстройство.

Первым делом я вытащил из конверта письмо.

"Криг.

Осталось совсем немного.

Я постараюсь писать как можно быстрее, потому что не знаю, что может принести любое последующее мгновение.

Я хочу извиниться перед тобой, дружище, за то, что втянул тебя во всё это.

Ты был мне верным спутником, и я сожалею о содеянном.

Прости за то, что заставил тебя сделать, и за то, о чём сейчас попрошу.

Ты знаешь меня. Знаешь, каким скрытным я бываю.

И будучи хорошим другом, ты никогда не требовал от меня большей информации, чем я готов был тебе предоставить.

Но я оказался неправ. Ты должен знать правду.

Всю правду.

Правду о том, что мы извлекли из могилы Алардуса Вердена.

Знаешь, я видел в древних манускриптах предупреждения о том, какие опасности подстерегают в той могиле.

Ох, Криг, тот гроб... Зачем, ну зачем, во имя всего святого, я его открыл?!

Почему не оставил те старые кости лежать в земле?

Те древние секреты и ужасы могли разрушить весь мир, и я знал это.

Но что-то у меня мысли скачут.

Ты, наверно, думаешь, что я сошёл с ума. Боюсь, так и есть.

Но прежде чем ты выбросишь это письмо, прошу тебя, в память о нашей дружбе... Если она для тебя хоть что-то значит... Сделай то, о чём я тебя сейчас попрошу.

Я никогда ещё не просил о чём-то настолько важном.

Пожалуйста, потерпи меня ещё чуть-чуть.

В этом конверте ты найдёшь ксерокопию, которую я сделал несколько лет назад из чрезвычайно редкого полного издания "Компендиума ведьм Вюрцбурга", который сейчас хранится в Особой Исторической Коллекции Гёттингенского университета.

Я тебе уже говорил, что это издание бесценно.

Оно содержит многочисленные рукописные записи, начиная от Кеплера и заканчивая Фон Шредером. Сейчас их больше нигде нельзя найти, как и некоторые сохранившиеся в "Компендиум" письма XVII века времён гонения ведьм.

Прежде чем продолжишь читать это письмо, просмотри ксерокопию.

Это очень важно..."

Я не знал, что думать, и что делать.

То существо в доме Крофта не было Крофтом.

В этом я был уверен.

Это было нечто высохшее, морщинистое, притворявшееся Крофтом, а вот это письмо...

В нём я чувствовал личность своего старого друга.

В нём был тот Крофт, которого я знал.

Я не мог должным образом описать, что же скрывалось под маской Крофта в том

жутком доме.

Но я сделал то, о чём просил меня Крофт: достал из конверта ксерокопии страниц, исписанных убористым, мелким почерком на древнегерманском.

Я расшифровывал записи дольше, чем ожидал, но не столько из-за устаревшего языка, сколько из-за почерка: буквы сливались одна с другой, лист покрывали кляксы, словно автор писал письмо в спешке или под воздействием стресса.

Вот расшифровка:

"Моя дорогая Мадлен.

Я прошу прощения за спешность и за длительный промежуток времени, прошедший с моего последнего письма, но ты ведь знаешь: работа, которую я выполняю, угодна Богу и требует от меня большой концентрации сил и верности.

Точнее, требовала.

Ибо я больше не считаю себя странствующим солдатом-охотником на ведьм, благословлённым самим епископом.

Я больше не стану маршировать и подчиняться приказам Гундрена, этого печально известного вюрцбургского монстра.

Я сбежал, и теперь за мной охотятся мои же бывшие единомышленники, обвиняя в колдовстве, как и я некогда обвинял других в порывах бредовой духовной непорочности.

Да поможет мне Бог, и ныне и присно, и во веки веков!

Я тебе уже много раз говорил, что мы с единомышленниками выполняли богоугодные, правильные дела.

Это же я повторял и себе, раз за разом, ибо как ещё я смог бы совершать те зверства, которые мне приказывали совершать?

Многие высказывались против нашей работы по истреблению ведьмовских сект.

В нашей семье ты противилась этому сильнее остальных, поэтому именно тебе, моя милая сестра, я и отправляю это письмо.

В некоторой степени ты была права.

Даже я бы сказал, в большей степени.

Здесь и сейчас я обнажаю пред тобой душу свою.

Мои грехи тяжки и многочисленны.

Как мне рассказать о тех зверствах, коим я стал свидетелем? Они были совершены добровольно, и да простит меня Бог, но я считал, что совершал всё во имя Его.

Как рассказать обо всех погибших невинных? А они были невинным, в этом у меня сейчас нет сомнений.

Мужчины, женщины, дети.

Я видел, как детей трёх-четырёх лет вели на костёр. Какую выгоду можно извлечь из убийства сих агнцев божьих?!

Но близится судный день, и все мы ощутим гнев Его и Его карающую длань.

А моё время уже убегает.

Вот моё признание в том, что я сделал, что видел, и кого судил ошибочно.

Должен признать, что мрачную деятельность ведьмовского суда остановила именно протестантская армия короля Густава, и если бы шведы не захватили наши города и провинцию, охота на ведьм бушевала бы бесконтрольно.

Сейчас я расскажу о наших методах. Они безупречны.

Не сомневаюсь, сестра моя, что тебе известны наши инструменты для выбивания признания: тиски для пальцев, "испанские сапожки", дыбы, жаровни, клинья...

Мы легко рубили руки предполагаемым еретикам и разрывали калёными крюками груди девушек и женщин.

Колесование, подвешенная к потолку клетка, виселица, "испанские башиачки", "ведьмино кресло" — вот наши самые мерзкие инструменты.

В минуту тяжёлой меланхолии признаюсь тебе, что я принимал участие в массовых сожжениях в Вюрцбурге и Бамберге.

Сколько мы подожарили на костре и в печах? Я даже не могу сосчитать.

Целые деревни были уничтожены и сейчас опустели, а в других, где раньше были сотни жителей, осталось по пять-семь человек.

Вот она — суть истерии с охотой на ведьм, сестра моя.

И те, кого мы притаскивали в тюрьму, должны были либо сами признаться в колдовстве, либо сделать это под пытками.

Таков приказ Епископа Дорнхайма, и все охотники на ведьм следуют ему.

А если проявить к заключённым сочувствие, то тебя осудят за пособничество.

Поэтому пойми, прошу тебя, пойми хорошенько, что все ужасы и мерзости, о которых ты слышала, не лишены оснований.

А ты помнишь рассказы дяди Конрада о зверствах в Силезии?

Как он стал свидетелем того, что за крепостными стенами Шлюсберга были вкопаны сотни столбов, и на каждом из них качался труп сожжённой или зарубленной ведьмы?

Истерия с охотой на ведьм — это зараза, чума невежества, которая должна быть искоренена, хотя пока я не вижу для этого ни единого способа.

За исключением нескольких редких случаях не существует никаких доказательств дьявольщины и колдовства.

Но поскольку время моё уходит, ровно как и свобода с жизнью, и я боюсь, что больше никогда не увижу тебя, я чувствую, что должен рассказать тебе об одном редком, невообразимом и до крайности жутком случае.

Надеюсь, ты мне поверишь.

Две недели назад отряд из шестнадцати человек под предводительством комиссара по охоте на ведьм Гундрена Вюрцбургского напал на деревеньку Кобольддам, о которой ходили ужасные, внушающие серьёзное беспокойство слухи.

Поселение находилось глубоко в лесу, среди древних холмов и курганов, которые, если верить местным легендам, некогда населяли тролли и эльфы.

Дома в деревне стояли кучно, и мимо них пролегали лишь вытопанные тропинки и редкие дорожки, вымощенные битым камнем.

Дома были наполовину сделаны из дерева, наполовину — из соломы; чудно вытянутые вверх, их скрывали от посторонних глаз зловонные, сырые туманы.

Кобольддам был тихим, скрытым местом, от которого развивалась клаустрофобия, и не отпускало предчувствие чего-то ужасного.

Над деревушкой витала необъяснимая аура гнили и вырождения, и при первом взгляде на неё мне показалась, что деревня заброшена.

Покосившиеся дома, покорёженные двери, провисшие крыши...

Даже воздух там казался испорченным, гнилостным, заразным, как в поражённых чумой поселениях.

Этот запах висел между домами на узких улочках, словно деревенька гнила изнутри. Уверен, что все мы без исключения ощущали эти миазмы зла, властвующего над хутором.

Скорей всего, мы все рванули бы прочь, если бы не одержимость Гундрена ведьмами.

И мы остались, потому что помешательство Гундрена лишь усилилось из-за того, что мы видели перед собой явные, чёткие знаки ведьмовства.

Пентаграммы, пентакли, руны заклинаний. На стенах домов.

Многие из знаков были нам знакомы и имели такие жуткие толкования, что у меня холодок пробежал по спине.

Среди этих знаков были нацарапаны самые ужасные языческие символы: руны, глифы, целые слова то ли на арабском, то ли на латинском, а может и на другом, неизвестном нам языке (позже Гундрен назвал это "шифром Кобольддамма").

Да, на всех постройках этой гнусной деревни были выгравированы цифры, слова и символы загадочного и жуткого происхождения.

Мы не сомневались, что здесь творится чародейство, и что эта деревушка отдала себя в мерзкие лапы самого дьявола.

Мрачная, пустая, заброшенная, гибнущая — не это ли признаки безбожия и кощунства?

О таких местах нам часто рассказывали, но мы никогда ещё не сталкивались с ними лично.

Здесь не надо было фабриковать обвинения, сестра моя, ибо всё было и так очевидно.

Был ли Кобольддамм заброшен?

Едва ли.

Ведь спустя пару минут нас вышли поприветствовать крестьяне с бледными, безумными лицами в чёрных, рваных рясах.

Большинство из них страдали от какой-то мерзкой заразы: их лица и тела покрывали опухоли, язвы и наросты, которые омерзительно деформировали их конечности и туловище.

Они окружили высокого и мрачного мужчину с горящими глазами и вытянутым, неприятным лицом, которого мы все знали: это был Алардус Верден, чародей и алхимик, которого прозвали "Колдун из Кобольддамма".

Никто из нас не спешил приближаться к проклятым жителям. Все боялись, что их болезнь заразна, как жёлтая лихорадка, бубонная чума или золотуха.

Мы остались сидеть на лошадях, сжимая в руках мушкеты и сабли, а прокажённая, покрытая язвами толпа сгрудилась вокруг нас.

С каждой минутой мы замечали всё больше и больше признаков болезни, которая вызывала у нас отвращение.

Сам воздух в этой деревне кишел ядовитыми парами и неизвестными болезнями.

Наконец, Гундрен произнёс:

— Не вы ли, сэр, Алардус Верден? Не вы ли в ответе за это мракобесие? — Гундрен обвёл рукой отвратительные символы и отталкивающие руны заклятий. -

Не вы ли, сэр, и есть создатель сего кощунства?

Верден захохотал, скрестив пальцы в знаке лукавого. От любого другого этот жест показался бы оскорбительным, но от Алардуса Вердена... таинственным и угрожающим.

Меня переполнял ужас, как малодушного труса.

— Либо говорите, зачем пришли, либо уходите. Или, возможно, вы пришли за тем, что у нас называют "поисками ведьм"? —

обратился он к Гундрену.

В этот момент Гундрен издал боевой клич и выстрелил из мушкета. Пуля угодила прямо в грудь Вердена.

Мы все последовали его примеру, разряжая мушкеты, и жители деревушки бросились врассыпную, таща за собой раненого Вердена.

Мой рассказ невероятен и ужасен, не так ли, сестра моя?

Но он ещё не окончен.

Видишь ли, если верить одному из сказаний о Вердене и его роде, они призвали некое чудовище не из нашего мира и скрещивались с ним.

И семя его находилось в них.

Я знал, что это правда, ибо я видел их гротескные лица.

После того, как разредили свои мушкеты, мы ускакали в город, чтобы на следующий день вернуться с подмогой в пятьдесят всадников.

По сути, мы пришли, чтобы сравнять Кобольддам с землёй и захватить Вердена, чтобы надлежащим образом казнить его.

Наш налёт был быстрым и разрушительным, но, возможно, в итоге именно мы потерпели поражение.

Ибо в тех высоких домах мы отыскивали вещи, о которых я не смею говорить. Но должен.

В подвалах и на запертых чердаках мы нашли мерзости, которые никогда не должны увидеть свет божий.

Мы видели мужчин, женщин и детей — живое свидетельство богохульства; они не ходили или бегали, но ползали.

Шершавые, скользкие, они больше напоминали червей или слизняков, чем людей.

Незрячий кошмар; ползающий, извивающийся, хныкающий.

У некоторых я даже не стану пытаться описать неестественность и отвратительные мутации.

А у других я стал свидетелем физического разложения.

Первое существо я увидел, когда его, шипящего, тащили из подвала трое всадников.

Сначала я решил, что это женщина. Затем — что мужчина. А может и женщина, державшая в объятиях двоих или троих детей.

Но это было ни то, ни другое, ни третье... Создание с множеством конечностей и голов, словно слепленное из четырёх или пяти тел, которые срослись, напоминая безумный человеческий грибок.

Существо было бледным, дряблым; оно визжало несчётными беззубыми ртами и пялилось на нас десятком серых, водянистых глаз.

В этой адской сущности не было никакой однородности; сложно было сказать, где заканчивалось одно тело и начиналось другое... Лишь перетекающий сгусток человеческой плоти с бескостными конечностями.

Расплавленный человеческий жир с глазами в тех местах, где их быть не должно, и с рудиментарными конечностями, принадлежащими не понятно кому.

Мы сожгли этот кошмар прямо на улице.

Мы нашли ещё многих подобных. А некоторых и ещё отвратительнее.

В этих мрачных, сгнивших домах мы стали свидетелями детей, поглощавших других детей, и матерей и отцов, поглощавших друг друга.

Но самым худшим — действительно, худшим! — было наше следующее открытие: эти скопления человеческой плоти могли делиться на несколько частей.

Даже те, кто на вид представлял собой одиночное мужское, женское или детское тело.

Когда их касались солнечные лучи, они начинали кричать; от их тел поднимался гнилостный запах и зловонный туман, и они начинали делиться.

Да, они раскалывались, исходили паром, барахтались в грязи и ядовитой жиже, а затем... Затем они начинали расширяться, расплющиваться, выпячиваться, разламываться, словно их мыли или растягивали в противоположных направлениях, пока они не расширились до величины двух мужских торсов.

А потом от макушки до промежности появлялась кровотокающая демаркационная линия, как на надрезанном фрукте.

И две половины человека медленно, под отвратительные, тошнотворные звуки отделялись друг от друга, связанные лишь тонкими паутинками человеческой ткани, пока полностью не заканчивалась бифуркация, и на земле не оказывались два создания.

Два бесформенных желеобразных существа, быстро застывающих, как охлаждённый жир.

То, о чём я тебе рассказываю, безбожно и гнусно, и я никогда бы не признался в этом, если бы моё время не подходило к концу.

Я не могу притворяться, что понимаю дьявольскую механику этих кошмаров.

Но судя по тому, что все "отпочкования" выглядели похожими на Вердена, я могу предположить, что это именно его семя росло и размножалось на этих несчастных людях, как сорняк бесконтрольно рассеивается на плодородных полях.

Думаю, так оно и есть.

Я уверен, что те существа, слепленные из многих тел, должны были разделиться на нескольких, когда придёт их час.

А дальше...

Господь милосердный, ты хоть представляешь, как скоро эта чума плоти и духа людского могла распространиться от одной деревни к другой, как отвратительная зараза?!

Я признаюсь тебе, что тогда мы предали всех этих проклятых гибридов огню. И правильно сделали.

Как они кричали и бесновались!

И женщина, которую вытащили из погребца. На ней росли трое её детей: безглазые, уродливые, извивающиеся тела; они напоминали недоразвитый плод, пытавшийся самостоятельно выкарабкаться из матки.

И мужчина, который разделился на двух прямо на наших глазах; его половинки вначале ещё соединялись кровавыми тяжами, напоминавшими резину, а затем полностью разделились, растянулись... У одного из образовавшихся созданий челюсть оттянулась почти на метр до самого пояса.

Господи, как же это существо сопротивлялось! Как оно пыталось сначала

разделиться, а затем вновь склеиться, пока огонь глодал его плоть!

Вот так, сестра моя. Мы спалили всех в той проклятой деревеньке. Это была тяжёлая работа. В конце концов, мы насчитали тридцать три тела... Хотя некоторых было довольно сложно считать, ведь они состояли не из одного, а из трёх-четырёх человек.

В скором времени мы сожгли дотла и всё поселение, и даже низину вокруг.

Несчастные всадники следовали за нами и посыпали выжженную землю солью.

Но основной нашей заботой, по мнению Гундрена, был Алардус Верден.

Да, мы поймали его, и он яростно боролся.

Делился сначала надвое, затем натрое, но в итоге мы сломили его сопротивление залпом мушкетов и горящих стрел.

Мы связали его, как свинью, и потащили на другую сторону гибельных холмов, пока солдаты сжигали деревню.

Гундрен сказал, что позже мы вернёмся с порохом и запалами и сровняем с землёй эти проклятые холмы, чтобы и памяти о них не осталось.

Но что-то я отвлёкся.

Мы притащили Вердена на выбранную нами для костра поляну и привязали его к стволу засохшего тиса.

Он извергал проклятия и богохульства на языках, большинство из которых мы даже не знали.

Ни один порядочный человек не должен слышать такие речи.

У меня до сих пор в ушах стоит уверенный голос Гундрена и слова, которые я теперь начинаю презирать.

— Признай свой грех ведьмовства, Алардус Верден. Свой и своих родичей! Этого нечестивого и дьявольского илюшьего семени! Признайся перед ликом Господа нашего, иначе мы заставим тебя есть святую соль и пить святую воду. Кто научил тебя, Верден, сему проклятому искусству колдовства, и откуда он пришёл? Признайся, колдун, признайся!

Но Верден лишь хихикал, как злобная сумасшедшая старая ведьма.

И был обезглавлен.

Этим всё и должно было закончиться, но...

Его голова продолжала жить, как и обезглавленное туловище!

Тогда мы сложили вокруг него поленья и предали огню и вечным мукам.

Хотя должен признаться и тебе, сестра моя, и Богу на небесах, что Верден не сгорел так, как сгорел бы я, или ты, или любой другой!

Мы сожгли его до чёрного пепла, но и после этого я не мог сказать, что к нему пришла смерть.

Терзаемый пламенем, обгорелый труп Вердена продолжал двигаться и продолжать жить.

Не решившись оставить это дьявольское отродье, мы отвязали его от столба, скрутили труп верёвками, накрыли брезентом и забросили в повозку.

Мы привезли его останки в Вюрцбургскую Башию, где много дней спустя он, наконец, был умерщвлён.

По решению епископа Дорнхайма останки скелета Алардуса Вердена были помещены в крепкий гроб, крышка была забита сотней гвоздей, а сам гроб обмотан многометровой цепью.

На этом моё знание вопроса заканчивается, моя дорогая Мадлен. Эта история

оставляет меня с трясущимися руками и седыми волосами, хотя мне ещё только тридцать один год.

Как раз перед тем, как я покинул Гундрена и самого Епископа Дорнхайма, я слышал, что гроб исчез.

Каким образом? Понятия не имею.

На этом моя исповедь окончена.

То, что мы сделали в Кобольддамме, было нашей работой, и длань Господня указывала нам путь.

Я знаю это.

Но именно этот пример — пламя, которое зажжёт земли, как ничто прежде, и принесёт сотни смертей невинных жертв.

Я не отрицаю, что существует в этом мире и истинное зло! Но оно — такая редкость...

Однако, если эта редкость попадёт в руки такого монстра, как Гундрен, то даст ему повод и оправдание для бессмысленных убийств и разбоя.

Всё, моя милая сестра, моя дорогая Мадлен. Больше я не скажу ни слова.

Прости своего брата, но не жалей его: он сделал то, что сделал, будучи в здравом уме.

Храни Господа нашего в сердце своём, и пусть он защитит тебя от зла. Но помни, милая моя: в эти тёмные времена такое зло, как Верден, встречается очень и очень редко, а вот зло, подобное Гундрену, напротив, становится слишком распространённым.

Прощай, моя дорогая сестра.

Искренне любящий тебя брат,

Гензель Зондерхайм".

Немного озадаченный, я отложил в сторону копии старого письма, на мгновения погрузившись в эпоху четырёхсотлетней давности.

Все эти невинные жертвы.

Но не все из них были невиновны, если верить только что прочитанному мной письму.

Я не сомневался, что письмо было древним, но было ли сказанное в нём правдой?

Даже при воспоминании о Крофте — или о том, кем он стал — я продолжал сомневаться.

Всё было настолько неправдоподобным.

Но в глубине сердца, признаю, я уже поверил написанному.

Предполагаемые события в Кобольддамме говорили о человеческих существах, делящихся, как клетки; о людях, сросшихся вместе, словно в какой-то извращённой стадии бинарного деления.

И разве не об этом же подумал я сам, когда увидел останки Вердена?

О том, что скелет колдуна выглядит так, словно начал почковаться во время сожжения?

Конечно, тогда шёл дождь, по земле стелился туман, свет фонаря был тусклым, а я устал от тяжёлого физического труда... Но тот скелет не был обычным.

Я вспомнил, о чём тогда подумал: костяк Вердена выглядел так, будто два скелета решили слиться воедино, либо один скелет решил расщепиться надвое.

Безумие. Неужели я всерьёз об этом думал и верил в это?!

Да, думал. И верил.

Ладно, допустим.

Алардус Верден призвал нечто. Нет, не христианского дьявола, а кого-то из тех сущностей, о которых мне рассказывал Крофт, начитавшись древних книг.

Сущностей, что были гораздо древнее, чем само христианство, да и мир вообще. Абсолютное вселенское зло.

Возможно, из другого измерения.

Что мне тогда сказал Крофт?

Что-то вроде "они разгуливают не по тем пространствам, о которых мы знаем или можем догадываться, а за их пределами, меж мирами".

Значит, Верден призвал это наделённое сознанием зло из другого измерения, и оно его заразило, поглотило, изменило его биологию, пока его организм не стал абсолютно чужд нашему миру.

А затем болезнь начала захватывать всё новых и новых жертв, расплзаясь, как злокачественная опухоль.

Он заразил всех в той деревеньке, и они, в свою очередь, тоже начали делиться.

И это начало бы бесконтрольно расти в геометрической прогрессии, пока полностью не захватило бы весь наш мир через определённое время.

К счастью, отряд охотников на ведьм пресёк заразу раньше.

А Алардус Верден, источник заразы, был обезглавлен, сожжён и заперт в гробу.

И гроб этот находился глубоко в земле в тайном месте, пока мы с Крофтом не раскопали его...

И тогда...

Господи, что же мы выпустили на свободу?!

Дрожащими руками я снова взял письмо Крофта.

Начал читать с того места, где остановился.

Там оставалось уже немного.

"Если ты сделал то, о чём я тебя просил, Криг, значит, ты знаешь всё, что тебе следует знать.

Мне жаль, что я втянул тебя в этот бардак.

Я понятия не имею, что мы высвободили; что мы выдрали из земли, как гнилой зуб.

Наверно, ты сейчас уверяешь себя, что всё, написанное в письме, полная чушь. Я не могу тебя винить в этом.

Но поверь мне, дружище: это правда.

Ибо кости Вердена не были мертвы!

В них сохранилась жизнь!

В этих костях существовало нечто древнее и смертоносное. И мы выпустили это на волю.

Века для существа, подобного этому — ничто. Пыль. Четыреста лет или сорок тысяч — не важно.

И эти кости живы даже сейчас...

Та рука, те кости, что я взял для своей небольшой Руки Славы, не были обычными; в этих заражённых костях сохранилось дремлющая, злобная жизнь.

Я вмешался, Криг, и теперь эта зараза распространяется.

По глупости своей я разбудил её, и теперь инфекция во мне; это существо возродится в моём теле и захватит весь мир, как и намечалось сделать несколько столетий назад.

Только ты можешь это остановить, Криг.

Я чувствую, как оно размножается во мне даже сейчас, когда я пишу это письмо, заражая клетку за клеткой.

Пока его сознание — сознание Вердена — дремлет, но вскоре оно окрепнет и очнётся, и тогда... Ты понимаешь, к чему я клоню?

Нет, Криг, прошу тебя, не думай, что я свихнулся.

Ты — моя единственная надежда.

Сейчас я бессилен.

Я почти ничего не могу сделать.

Я нашёл кое-что: оно даст мне ещё некоторое время или, по крайней мере, усложнит работу этой заразе.

Это мазь, рецепт которой я нашёл в "Книге Иода": смесь человеческого жира и ещё многих экзотических компонентов, которую надо намазывать на тело, чтобы демоны не проникли через кожу.

Своего рода защитная мазь или линимент, который широко использовал один чернокнижник XIII века.

Стоит попробовать.

Но на самом деле, всё сейчас зависит от тебя.

Господи Иисусе, Криг! Если ты любишь этот мир и его обитателей; если не хочешь, чтобы наша планета стала колонией древнего невыразимого ужаса; если не желаешь видеть, как человеческая раса падёт под гнётом мерзости, которую даже невозможно описать, тогда ты сделаешь то, о чём я прошу.

Приди ко мне домой, дружище.

С ружьём.

И когда я выйду тебе навстречу, застрели меня. Застрели насмерть, а останки раствори в кислоте.

Не сжигай их!

В этом мире не существует пламени, способного превратить эту плоть в пепел!

Убей меня и расплавь в кислоте, пока ещё не поздно.

Но ради Бога, умоляю, не дотрагивайся до меня! Не позволяй моей плоти коснуться тебя, иначе эта чума возродится в тебе.

Убей меня, Криг. Прошу. Убей.

Прояви жалость.

И до последнего кусочка раствори мою плоть в кислоте, ибо даже если моё тело покажется тебе мёртвым, в нём всё равно будет сохраняться жизнь".

На этом письмо заканчивалось.

Крофт сказал то, что я и ожидал, но не думал, что он станет просить именно меня о таком.

Возможно, нужно было обратиться в полицию, но я знал, что это бесполезно.

Они не станут утруждать себя и растворять труп Крофта. Они заберут его на вскрытие, возьмут образцы тканей и выпустят эту заразу на свободу.

Нет, я должен сделать всё сам.

Я больше никому не могу доверить такое задание.

В память о нашей с Крофтом дружбе я должен совершить нечто безумное и

немыслимое.

Я обязан сделать это ради него. Да и ради мира в целом.

Я спрятал письмо в ящик стола и начал составлять план убийства.

— 8—

Дом Крофта стоял, погружившись в раздумья.

Моё сердце колотилось, как бешеное, дышалось с трудом.

Я в жизни не был так напуган.

Я припарковался на улице и понёс картонную коробку, полную нужных мне вещей, в дом.

И старался держаться в тени, что было абсолютно нетрудно на этом старом, заброшенном участке.

Коробка была очень тяжёлой, и пока я донёс её до заросшего травой двора, был уже весь мокрый от пота.

Поставил коробку в кусты.

В ней было всё, что мне могло понадобиться: четырёхлитровая бутылка концентрированной серной кислоты, защитные перчатки и маска, чтобы я не расплавился вместе с Крофтом, две канистры бензина, полдюжины сигнальных ракет и некоторые другие вещи.

А в кармане пальто было ещё кое-что: револьвер калибра.357 «Магнум», который я купил на чёрном рынке.

Пару выстрелов из него могут остановить даже здорового слона.

Я стрелял из такого, когда служил в армии, и умел отлично с ним управляться.

Но на этот раз... Просто надеялся, что его мощности хватит.

Я засунул три сигнальных ракеты в куртку и вылил одну из канистр керосина в ведро.

Привязал ударопрочный фонарь к ремню.

Затем я вскрыл окно у чёрного входа и очутился внутри.

В доме было тихо, но я тяжело дышал; адреналин нёсся по моим венам.

Я около пяти минут постоял в тишине, привыкая к этому мрачному месту и позволяя ему привыкнуть ко мне.

А затем двинулся закончить то, за чем пришёл.

Пока крался по узким, извилистым коридорам, я, наверно, поседел от страха.

Каждую секунду я ждал, что Крофт или то существо, в которое он превратился, выпрыгнет на меня из темноты и совершит то, о чём я даже боялся думать.

Но этого не произошло.

Я знал, где он будет.

Знал, что он будет сидеть в кабинете в окружении древних фолиантов и продумывать поглощение этого мира.

Мне не надо было его искать... Я шёл на запах.

Этот дом и так никогда не пах, как весенний луг солнечным днём, но сегодня всё стало гораздо хуже.

В воздухе стоял тяжёлый, удушливый запах, напоминавший смесь испорченной свинины и сгнивших трав.

Гнетущий запах прелой листвы и разлагающегося в чернозёме трупа.

Головокружительная, тошнотворная вонь, которая заполняла мои ноздри и проникала в голову.

У двери кабинета я замер и выдохнул.

Наверно, я ждал достойного повода, чтобы развернуться и убежать. Не знаю.

Меня бросало то в жар, то в холод, а во рту неприятно горчило.

Руки и ноги стали ватными, словно мне недавно укололи двойную дозу димедрола.

Внутренности скрутило.

Я слышал доносящиеся из комнаты звуки... Падающие книги, шум и голоса. Да, странные, жуткие бесплотные голоса.

Они говорили на немецком, немного на латинском, а по большей части на каких-то непонятных гортанных языках, которые нормальный человек даже не сможет воспроизвести.

И в одном я был полностью уверен: из-за двери доносилось множество голосов.

Но, несмотря на их различное звучание, я каким-то образом был полностью уверен: все они принадлежали одному человеку.

Может быть, то существо, что жило в Вердене, высосало разум десятков жителей Кобольддамма и сохранило их в клетках собственного организма.

Откуда мне знать?

Я прислушивался к звукам за дверью и понимал, что всё это закончится нехорошо.

Я тихонько снял фонарь с поясного ремня.

Это был фонарь фирмы Коулмен с двойным фитилем.

Я поджёг его зажигалкой и приспустил заслонку.

Сжимая фонарь в одной руке и ведро бензина в другой, я пнул ногой дверь.

Я сделал шаг вперёд, и в лицо мне ударила жаркая волна разложения, чуть не заставив вывернуться меня наизнанку.

Я услышал влажный, скользкий звук и клацанье зубов.

Я полностью открутил вентиль, и нечто завизжало громко и пронзительно, я почувствовал его зловонное дыхание на своём лице.

Фонарь был мощным и прекрасно освещал комнату, загоня тени по углам и под стол и позволяя мне всё отлично рассмотреть.

На первый взгляд мне показалось, что по комнате прошёл ураган: все книги свалены на пол, у многих оторваны корешки и переплётты.

Сверху на книгах, как осенние листья, валялись пожелтевшие страницы древних манускриптов. Я разглядел осколки стекла и битую посуду.

У кого-то или чего-то была грандиозная истерика.

Я не видел нигде Крофта... Но слышал его дыхание; дыхание туберкулёзника: свистящее и булькающее, словно лёгкие его были полны сухих листьев и воды.

На столике у камина стояла коллекция древней стеклянной алхимической посуды.

Часть её была разбита вдребезги, но кое-что сохранилось: реторты, дистиллятор, колбы с узким горлом, наполненные грязно-бурой жидкостью. А рядом с ними были разбросаны листы бумаги со странными символами и наспех набросанными схемами.

Я поставил ведро на пол и вскинул револьвер.

— Покажись! — крикнул я и сам поразился, насколько чётко и ясно звучал мой голос.

Снова это влажное, шумное дыхание.

— Криг, — прозвучал голос, и он точно не принадлежал Крофту. — Погаси... Погаси этот фонарь. Ты выжигашь мне глаза. Выжигашь глаза...

Даже не сомневаюсь.

Ибо теперь Крофт стал тем, кто принадлежит тьме.

Провести четыре сотни лет в гробу — это вам не шутки!

— Выйди, чтобы я тебя видел, — потребовал я. — Покажись, Верден.

Дыхание моментально прекратилось, и я услышал скрежет.

Из-за дивана вышло существо, которое пряталось там в поисках такой привычной для него темноты.

Крофт — точнее, существо, в которое он превратился — было абсурдно до крайности.

Оно было сутулым, как человек с искривлением позвоночника.

Левая рука была лишена кожи и наружу выступала плоть цвета варёных раков.

Узловатые, переломанные пальцы длиной от двадцати пяти до тридцати сантиметров казались абсолютно бесполезными.

А лицо его... Господи! Бугристое, неровное, с отвратительными грибковыми наростами, полностью искаженное и деформированное, лишённое костей и изрытое, как губка.

Плоть блестела белым, как мясо моллюсков, и по ней струилась сеточка алых сосудов.

Пучок напоминающих волосы нитей рос от выпуклой нижней губы прямо в гортань и грудную клетку, как корни растения.

Он неуклюже потащился ко мне, ухмыляясь ртом, больше напоминающим простой разрез в куске недопеченной свинины.

И при этом рот располагался почти вертикально, да и всё остальное лицо было смещено вправо; туда, где должно было находиться ухо.

Я увидел один чёрный, студенистый глаз...

Второй, наверно, находился где-то в области угла челюсти.

— Так, так, так, Криг, — произнёс он глухо, словно разговаривая с полным ртом. — Больше нет смысла притворяться и разыгрывать тебя карнавальными костюмами, так? Как видишь, этот бодрый ублюдок Крофт спрятал своё тело за растительными припарками и мазями, которые задерживают меня в этом треклятом состоянии.

Из-за безумия сложившейся ситуации мне захотелось и самому расхохотаться, как свихнувшемуся.

Я стою и разговариваю с законсервированным чудовищем из другого измерения, у которого прекрасно подвешен язык?!

— Не подходи ко мне, Верден, — предупредил я, и мой голос сорвался.

Он старался держать лицо подальше от света.

— Похоже, мы находимся в затруднительном положении, не так ли? Кажется, у тебя на руках расклад получше, но как ты его разыграешь? Может, послушаешь, что я могу тебе предложить, а? Власть? Богатство? Женщины? Я — тот, кто может двигать миры и гасить звёзды. Я — всё и вся...

Он начал разглагольствовать о том, что мог бы сделать для меня, с каждой фразой подходя всё ближе и ближе, что было непросто, учитывая тот факт, что его левая нога заканчивалась не стопой, а пучком вывернутых атрофированных щупалец.

Но я знал, в каком положении он находится. Знал, что ему нужно другое тело для перерождения. Моё тело. И он его не получит.

— Криг, послушай меня, я могу...

Я не стал его слушать.

Я нажал на спусковой крючок: первая пуля пробила отверстие в его груди, а вторая вырвала большую часть его горла.

Третья в клочки растрепала алую голую руку.

Удар заставил Вердена отшатнуться, но не остановил его.

Он начал делиться.

Похоже, после столетий, проведённых в гробу, он не собирался сдаваться после пары-тройки пуль.

Его плоть вскипела и покрылась пузырями, и взрывалась сотнями розовых усиков, и на конце каждой был чёрный узелок.

Они хлестали, как плети; устрично-серые глаза смотрели на меня, и в их злобном иноземном взгляде читалась ненависть.

Из его спины веером вырвались рыжие членистые ноги, словно из Вердена пыталось выбраться какое-то огромное насекомое.

Я выпустил в него все пули, а затем плеснул бензином из ведра.

Я поджёл фальшфейер и бросил его в Вердена.

Его охватил поток пламени; он кричал, верещал, рычал, и из него пытались вылезти всё новые и новые придатки.

Он не собирался умирать после такого долгого ожидания в земле.

Но, наконец, он рухнул на пол корчащейся кучей, поджаренный, дымящийся и шипящий.

Я решил, что он мёртв.

Я был в этом уверен.

Я наблюдал издали, пока подёргивания не прекратились, и только потом приблизился, окидывая взглядом чёрную, обугленную мумию.

Это был мой самый идиотский поступок, потому что в это самое мгновение существо вскинулось и выплюнуло в меня что-то вроде усика... Колючего усика, который оцарапал мой большой палец.

Он нашел нового хозяина. И довольно быстро.

Я сходил за кислотой и вылил её на существо, даже не заботясь теперь о защитных перчатках и маске.

Кислота растворила чудовище, смешав его останки с потёкшей краской и штукатуркой, которые затем вообще превратились в едкий туман.

Я всё сделал. Больше ничего не осталось.

Кроме той споры, что оно посеяло в моём пальце.

Но я знал, что её хватит.

— 9—

Я сжёг дом Крофта вместе со всеми редкими книгами и рукописями.

К тому времени, как прибыли пожарные, от здания остались почти одни головешки.

Старый дом был сухой, как трут, и мне оставалось лишь наблюдать, как огонь быстро распространяется от одного этажа к другому до самого подвала.

Вот, наверно, и всё, что я могу рассказать.

Я спас мир. Удивительно, не правда ли?

И вы ещё больше удивились бы, увидев меня, продающего в вюрцбургском Старом Городе свои безделушки и сувениры туристам.

Ибо теперь столица древней Франконии стала моим домом.

Вы почти всегда можете отыскать меня на Старом мосту через Майн, сидящим среди каменных статуй святых.

Я знаю этот город, и он знает меня.

Если вам нужен человек, прекрасно говорящий на английском и способный показать вам любые достопримечательности города, будь то крепость Мариенберг или Больница Юлиус, либо рассказать о романском стиле постройки церкви Ноймюнстер — считайте, вы его нашли.

Может, я и выгляжу сейчас не лучшим образом, но не забывайте: однажды я спас весь мир.

Да и не так уж много людей готовы предложить работу мне, калеке с крюком вместо правой руки.

Да, той ночью, вернувшись домой в Бад-Дюркхайм, я отрубил собственную руку тесаком... Мои пальцы уже стали изуродованными, обезображенными, и пытались бороться против меня.

Но я победил.

В конечном итоге я одержал верх и уничтожил последний след Алардуса Вердена.

Поэтому когда вы увидите, как я продаю карандаши на мосту или пристаю к туристам, не надо злиться и гнать меня прочь.

Помните: я — герой.

Последний охотник на ведьм.

Больше книг на сайте - Knigolub.net